А.М.Решетов

КОСТЮМ МАНЬЧЖУРСКОГО ШАМАНА В КОЛЛЕКЦИИ МАЭ

Изучение шаманизма имеет в отечественной этнографи-ческой науке глубокие и прочные традиции. Чтобы подтвердить эту мысль, достаточно только назвать имена В.В.Радлова, Г.Н.Потанина, Л.Н.Штернберга, В.Г.Богораза, С.М.Широкогорова, С.Е.Малова, Д.К.Зеленина, А.А.Попова. Этот список можно значительно дополнить и продолжить. Но как бы ни был он велик, неизменно почетное место в нем всегда прочно знанимает и будет занимать имя выдающегося исследователя этнографии народов Сибири доктора исторических наук, профессора Леонида Павловича Потапова. Его недавний труд "Алтайский шаманизм" теперь является настольной книгой каждого ученого, занима-ющегося специально или попутно этой проблемой.

Признавая, что "признаки и черты алтайского шаманизма обнаруживаются у якутов, бурят и других сибирских народов", поскольку "древние этногенетические и этнокультурные связи упомянутых народов с историческими предками алтае-саянских народов несомненно наложили отпечаток на общность многих элементов шаманских верований и обрядов"[1], Л.П.Потапов вместе с тем предостерегает: "Предлагаемые характеристики и определения, выводы и заключения, вытекающие из изучениия алтайского шаманизма, при всей их значимости было бы рискованно распространять на шаманизм вообще и шаманизм всех сибирских народов в целом"[2]. Правда, алтайский шаманизм он понимает расширительно как шаманизм современных тюркских народов Алтае-Саянской горной системы, который в свою очередь генетически связан с древнетюркским центральноазиатским шаманизмом.

Можно предполагать, что еще одним особым кругом центральноазиатского шаманизма является шаманизм тунгусо-маньчжурских народов. Самым крупным этносом этой группы являются несомненно маньчжуры, у которых шаманизм пережиточно сохраняется вплоть до наших дней. Несмотря на наличие различных точек зрения на происхождение термина "шаман", хочу подчеркнуть, что он этимологизируется из тунгусо-маньчжурских языков и означает в тунгусском языке "одержимый человек"[3]. Накопление сведений о тунгусском шаманизме является актуальным, поскольку это укрепляет источнико-

© А.М.Решетов, 1995 г.

ведческую базу для его исследования. В этой связи внимание привлекает костюм маньчжурского шамана, хранящийся в коллекции МАЭ имени Петра Великого РАН[4]. Костюм поступил в МАЭ в августе 1914 г. от Русского Комитета по изучению Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. В свою очередь он был приобретен по заданию Комитета студентом Факультета восточных языков Императорского Санкт-Петербургского универ-ситета Павлом Ивановичем Воробьёвым[5] в деревне Тун-цзян-фан-цза Цицикарского округа во время своей командировки в Маньчжурию в 1914 году. По описи собирателя в Музей были переданы головной убор шамана, бубен, колотушка, пояс, зеркало, юбка и обувь - всего 7 номеров. Обращает внимание отсутствие кофты - верхней наплечной одежды шамана. Теперь трудно объяснить причину этого факта. Скорее всего комплект с самого начала приобретался без кофты. Не исключено, что у шамана, продавшего комплекс своей одежды, не было второго экземпляра кофты. Может быть, он осознанно не включил этот предмет в комплект для продажи постороннему лицу, хотя в собрании МАЭ вообще имеются шаманские кофты.

Итак, основными предметами коллекции №2327 являются следующие. Они хорошо видны на рис.1. Порядок изложения определяется описью собирателя.

2327-1. Головной убор. В описи он назван *махала*, но существуют и другие названия, например, *агури, йексе, йинсогури, наиусе, магла*[7]. Головной убор является важной частью шаманского облачения, поэтому для его хранения существует особый ящик - *йимчен санзы*, или *учху*[8]. Головной убор маньчжурского шамана представляет собой сложной конструкции металлическую корону, основу которой составляет металлический (по описи - медный) обруч (обод), на нем крепятся все остальные детали. Хорошо известно, что металл в шаманизме является сакральным материалом. По всему периметру окружности обруча на нем равномерно распределены и закреплены 17 металлических тонких пластинок, каждая с небольшим декоративным оформлением на конце. Концы всех пластинок несколько отогнуты вперед, на внешнюю сторону, к ним привязаны кисти (*суике*) преимущественно черного цвета, украшенные в верхней части 1-2 стеклянными шариками-бусинками (*айкан*). На некотором расстоянии от них подвязано по одному бубенчику (*хунго*) из белого металла. К ободу также крепятся две плоские перекрещивающиеся металлические полоски, чуть изогнутые по форме головы. В месте их перекрещивания над макушкой на них закреплена небольшая металлическая конструкция (стержень с разветвлениями), несущая на себе вырезанные из меди плоские фигуры 5-ти птиц (*какуен чичке*) с крыльями и хвостами, из которых центральная более крупная, по 2 - по бокам поменьше. Число птичьих фигур, помещаемых на шаманской короне, может быть различным, но только нечетное число, в пределах от одной до девяти включительно. Следует попутно подчеркнуть, что птица в шаманстве является одним из основных образов. По

представлениям маньчжуров, она связана с верхним миром вселенной, с солнцем. От клюва каждой птицы свешиваются махровые кисти (*суике*), также украшенные цветными бусинками (*айкан*). На внешней части крыла двух крайних птичек тоже висят кисти с бусинками, на хвосте у всех - по бубенчику. От хвостов всех пяти птиц книзу отходят шнуры, на которых закреплена цветная фигурка довольно крупной летучей мыши, сделанной из материи и набитой ватой. К ней подвязан длинный хвост или коса (*киредан*), спускающийся вниз до самой земли. *Киредан* представляет собой довольно толстый матерчатый жгут, состоящий из шелковых полосок красного, темно- и светло-зеленого цвета. Примерно до уровня кончика позвоночника коса перетянута завязками (может быть, имитирует спинной хребет), а ниже - распущена. Специалисты по шаманизму обычно определяют такого рода косу как воплощение идеи о центральной мировой оси. На тыльной стороне к ободу прикреплена матерчатая фигурная оторочка, прикрывающая шею. На красном фоне ее изображен буддийский символ бесконечности, по краям оторочка отделана цветным шнурком.

Несущий всю сложную конструкцию шаманской короны обруч не только плотно сидит на голове, но и закреплен на подбородке. К ободу подшиты с обеих сторон достаточно широкие две матерчатые петли, набрасываемые на уши; от нижней части каждой петли отходят матерчатые узкие полоски, которые довольно туго завязываются на подбородке. Таким образом, даже при самых резких и сложных движениях шамана в трансовом состоянии корона остается на его голове.

2327-11. Шаманский бубен (*йимчен, имчин*). Имеет форму круга. Обод (обечайка) деревянный, на него натянута хорошо выделанная косулья кожа (*кип соко*) темного цвета. На внешней поверхности бубна на коже изображен китайский иероглиф "шоу", означающий долголетие. Маньчжуры отождествляют его со своим словом "хутури", основными значениями которого, согласно описи собирателя, являются 'счастье во всем', 'благополучие'.

Рис.1. Костюм маньчжурского шамана. Экспозиция МАЭ. (Рисунок К.Б.Серебровской)

По краям поверхности бубна вокруг иероглифа "шоу" на равном расстоянии друг от друга расположены пять изображений летучих мышей. Название летучей мыши по-китайски "фу" является омофоном китайского слова, означающего счастье. Можно предполагать, что на оформление маньчжурского шаманского бубна оказала влияние китайская традиционная символика, хотя не исключено, что в сознании самих маньчжурских шаманов еще в начале XX века сохранялось представление о другой, маньчжурской традиционной сиволике. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что при составлении описания данного комплекса шаманской одежды шаман, у которого он был куплен, сказал, что это изображение пяти "мудури", что по-маньчжурски значит 'дракон'.

На внутренней стороне бубна через четыре парные отверстия, проделанные у самого края обечайки, пропущены тонкие кожаные ремешки, которые в переплетенном состоянии как жгуты с четырех сторон крестообразно сходятся в натянутом виде к центру, где они подвязываются к металлическому кольцу. Жгуты разной толщины, но один явно сплетен из наибольшего количества кожаных ленточек. В обечайке также с внутренней стороны проделаны два отверстия, сквозь которые пропущена витая металлическая проволока, на которую нанизаны 18 китайских медных монет-чохов с отверстием посредине, выполняющие роль звучащих подвесок. Перекатываясь по проволоке при любом изменении положения бубна, они издают звенящий звук. Все монеты довольно старые, они датируются эпохами императоров правившей в Китае маньчжурской династии Цин, в том числе 5 - Канси (1662-1722), 1- Юнчжэна (1723-1735), 7 - Цяньлуна (1736-1795), 1 - Цзяцина (1796-1820), 2 - Даогуна (1821-1861), 1 - Тунчжи (1862-1874) и 1 - плохо датируемая.

2327-111. Колотушка для бубна (*йимчен кицзуен, гу банзы*) представляет собой тонкую, слегка изогнутую деревянную палочку, ударная часть которой обтянута темно-зеленой материей. На конце неударной части колотушки сделано небольшое отверстие, в котором закреплена красная крученая нитка, к одному концу ее привязана шелковая лента - лоскут красного цвета.

2327-IV. Пояс (*сижа хушхуен, хата, дайзе*) сделан из куска бычьей кожи (*икан соко*). В верхней части к нему пришит ремень из такого же материала, к которому подвешены на кольцах 38 конусообразных железных подвесок (*сижа*)[9]. К верхней же части самого пояса прикреплены 11 медных бубенчиков (*хоно*). При быстрых движениях, а тем более при танце они создают, как отмечает собиратель в своей описи, "солидный шум". Однако, в данном случае речь идет о чисто внешнем восприятии факта. Несомненно, звучание бубенчиков, подвесок имеет глубинное значение, оно предназначено для связи с духами, их ублажения. Общение с духами в практической жизни многих народов играло важную роль: надо было всячески заручиться их благорас-положением, чтобы добиться положительного результата. Л.П.Потапов рассказывал мне, что алтайцы еще в начале 20-х годов брали с собой на охотничий промысел сказочника, чтобы он своими интересными историями развлекал духов, дабы они обеспечили удачную охоту. Помощь духов тем более необходима шаману в его многотрудных путешествиях по всем мирам.

2327-V. Зеркало (*толи*) выполнено из меди, по форме круглое. Внешняя поверхность совершенно гладкая, тщательно отполированная, на обратной стороне имеются по окружности бороздка и 4 крестообразно расположенных выпуклых возвышения[10]. Зеркало помогало шаману в его действиях.

2327-VI. Юбка шамана (*хушхуен, хутка, хушкан*)[11] изготовлена из хлопчатобумажной материи красного цвета. Юбка несшитая длинная, достигает земли. Для удобства в движениях внизу сделан разрез, над которым вышиты изображения двух бабочек или, по аналогии с предыдущими вариантами, двух летучих мышей. По подолу юбки внизу нашита широкая полоса другой материи. От верхней части юбки ниспадают почти до земли десять составных разноцветных матерчатых полосок, на семи из них на уровне колен нашиты бубенчики.

2327-VIIа,в. Обувь шамана (*сабо, сабу, сово, сави*)[12]. Тип обыкновенных мягких туфель с чуть загнутыми носками.

Кофта для полноты характеристики шаманского костюма взята из коллекции №6727[13]. Она надета на манекене маньчжурского шамана, находящегося на экспозиции.

6737-13. Кофта шаманская, прямозастежная, сшита из хлопчатобумажной ткани красного цвета, подкладка из такой же материи, но синего цвета. На груди, плечах и спине нашито цельное узорчато-вырезное оплечье из черной ткани. Обильно украшена нашитыми раковинами каури: на груди розетками по три штуки в каждой, на плечах и верхней внешней части рукава - по одной, на спине - три композиции из трех каури: две на лопатках и одна между ними. На нижней внутренней стороне каждого рукава нашиты в ряд по вертикали металлические конусообразные подвески. Как отмечал собиратель С.М.Широкогоров, на кофте было три круглых бронзовых бляхи-зеркала. Однако, как отмечает в описи регистратор этой коллекции в МАЭ В.С.Стариков, уже не хватает двух круглых медных зеркал, четырех металлических подвесок и пятнадцати раковин.

Костюм любого шамана отличается сложной, трудно расшифровываемой символикой, и костюм маньчжурского шамана в этом отношении не является исключением. Исследование этой стороны костюма является особой задачей. Здесь же хотелось сделать только несколько замечаний общего характера.

Судя по материалам других коллекций МАЭ, состав шаманской одежды у маньчжуров не ограничивается рассмотренными выше предметами. Это подтверждается и лингвистическими материалами А.Д.Руднева[14]. Например, на шапке маньчжурского шамана иногда бывают ленты (*паодр*), специальная занавеска-бахрома, висящая на головном уборе шамана и закрывающая его лицо (*подре*) и др. Не исключено, что необходимость в тех или иных элементах шаманской одежды появлялась в зависимости от выполняемых шаманом функций. Перед началом камлания маньчжурский шаман должен облачиться, "надев великую шаманскую утварь, подвязав юбку"[15], "надев на голову шлем духа - шаманскую шапку, надев на тело одеяние с восемью драгоценностями, подвязав юбку и бубенчики, закончив присоединять все ленточки вокруг шаманской шапки, взяв в руки бубен, встав на жертвенную площадку, высоким голосом вздымаясь, громким голосом дрожа, звонким голосом молясь ..."[16] Шаман и его помощник должны быть высокими профессионалами в своем деле.

Маньчжуры занимались шаманством с детства, сначала прислуживая во время камлания, усваивая принципы сопровождения камлания ударами в барабан, чтобы обеспечить шаману продвижение в иные миры. Из знакомства с литературой складывается впечатление, что сильными шаманами могли быть как мужчины, так и женщины. Они по существу равнозначны, поэтому они независимо от пола называются одним и тем же термином "саман". В известной "Книге о шаманке Нисань" главной является женщина-шаманка, способная даже оживить умершего человека, в ее действиях в качестве помощника выступает мужчина. Вполне вероятно, что у маньчжуров женское шаманство более древнее, чем мужское. Дополнительным свидетельством в пользу этого, с моей точки зрения, является то, что важным элементом шаманской одежды является юбка. Маньчжуры по праву признаны опытными скотоводами, давно знают лошадь и верховую езду, поэтому им наверняка издавна хорошо известны штаны: этот элемент одежды, как предполагают, первоначально возник в кочевнической среде. Нельзя не обратить внимания на то, что в двух вышеприведенных отрывках об облачении шамана конкретно называется только надевание именно юбки.

Маньчжурский шаманизм имеет глубокие генетические связи с шаманизмом других тунгусо-маньчжурских народов, в частности, с эвенкийским. Очевидно, не случайно, что именно в этом шаманском круге велика роль бронзовых зеркал, участие и большая роль шамана в погребальном комплексе и т.д.

И еще одно замечание. Многие авторы, в том числе А.Д.Руднев и даже С.М.Широкогоров, иногда переоценивают роль влияния соседних народов на маньчжурский шаманизм. Однако нельзя не видеть, особенно на примере бронзовых зеркал, что этот феномен иной культуры нашел органичное, свое место, сообразное с традиционным мировоззрением тунгусо-маньчжурских народов. Конечно, нельзя не видеть влияние языка, религии соседних народов. Об этом, в частности, свидетельствует упоминание о восьми буддийских драгоценностях, о таком названии лечащего шамана как *хошэн лао е* - явно китайское заимствование. Но едва ли правильно даже под вопросом видеть в маньчжурском названии шапки *махала* связь с китайским "мао[цзы]", тоже означающем этот вид головного убора[17]. Целесообразнее искать сопоставительные корни этого слова в других алтайских языках, например, в монгольском "малгай"

(шапка). Очевидно, внешнее влияние - это явление недавнее. Об этом, в частности, свидетельствует заимствование китайской символики (летучая мышь как символ счастья и благополучия), трактовка которой производится с традиционных мировоззренческих позиций (в данном примере как "мудури" - 'дракон').

Все эти замечания только подчеркивают актуальность глубокого, всестороннего, целенаправленного изучения маньчжурского шаманизма во всех его аспектах в широком сравнительном историко-этнографическом плане.

Примечания

[1] *Потапов Л.П.* Алтайский шаманизм. Л., 1991. С.17.

[2] *Потапов Л.П.* Алтайский шаманизм. Л., 1991. С.17.

[3] Этнографический словарь-справочник "Народы мира" (Миньцзу цыдянь). Шанхай, 1987. С.979 (на кит. яз.); *Руднев А.* Новые данные по живой манджурской речи и шаманству//ЗВОИРГО. СПб., 1912. Т.XXI. С.055; Книга о шаманке Нисань. Факсимиле рукописи, издание текста, транслитерация, перевод на русский язык, примечания, предисловие К.С.Яхонтова/Фольклор народов Маньчжурии. Вып.1. СПб., 1992. С.67,94.

[4] Опись №2327. Регистрировал А.И.Иванов.

[5] О П.И.Воробьеве см.: *Решетов А.М.* Репрессированная этногра-фия: люди и судьбы (Часть 2)//Кунсткамера. Этнографические тетради. СПб., 1994. Вып.5-6. С.242-243.

[6] Например, см. опись №6737-13.

[7] *Руднев А.* Указ. раб., С.047,051-053.

[8] *Руднев А.* Указ. раб., С.055.

[9] *Сижа* (маньчж.) - погремушки, поясные бубенчики. См.: *Руднев А.* Указ. раб., С.055.

[10] Собиратель П.И.Воробьев в описи высказывает мнение, что может быть "на этих возвышениях имелись какие-либо надписи, но в данное время установить их наличность не представляется возможным". К сожалению, не известно, на каком основании он высказал такое предположение, тем более, что он же признает невозможность подтверждения своей догадки.

[11] *Руднев А.* Указ. раб., С.058.

[12] *Руднев А.* Указ. раб., С.055.

[13] Коллекция №6737 поступила в начале 1970-х гг. из Благовещенского областного музея. Входящие в ее состав предметы были собраны С.М.Широкогоровым для МАЭ в 1916 г., но из-за трудностей перевозки в первые послереволюционные годы задержались на Востоке. О собирателе см.: *Решетов А.М.* Сергей Михайлович Широкогоров. Его жизнь и труды (к 100-летию со дня рождения)//Полевые исследования ГМЭ народов СССР 1985-1987 гг.: Тез. докл. научн. сессии. Л., 1989. С.25-27.

[14] *Руднев А.* Указ. раб., С.054.

[15] Книга о шаманке Нисань, С.107.

[16] Книга о шаманке Нисань, С.109.

[17] *Руднев А.* Указ. раб., С.052.